

- О. О^т то такъ, якъ каў: хто, кае, кислицы поѣвъ,
а <на> на^о оскома напала.
- С. Що^м маѣ чинити, така наша доля,
Треба терпѣти, пока змилюѣся Бжїя воля.
- О. Хиба^м еще треба ждѣ и<н>шой одлиги.
- С. А вже! ¹⁾ Гѣто такъ каў стѣя книги.
Это, каў, народїся ѳроча само съ <с>воей волѣ,
Що й²⁾ визволї насъ изъ сей неволѣ.
Прирва по головѣ дѣдкѣ даѣ добра часа
и старшому анциболу утре добре носа.
- О. Ой колибъ нѣ, Свириде, сіюго времени додати,
тобъ не взяла насъ гѣвняйская (?) мати.
- С. Да вже! коли не мы додемъ, дакъ добріи люде,
а вже те, що Бѣгъ сказавъ, то такъ конче буде.

Смысль этого діалога, испорченного невразумительнымъ подчеркомъ и богатаго выдуманнми словами и намеками на политическую жизнь Украйны половины XVIII столѣтія — тотъ, что пастыри жалуются на стѣснительность переписки, предписанной цесаремъ Августомъ; основною же причиною всѣхъ золь является грѣхопаденіе Адама, который поѣлъ кислицы, а на весь міръ напала оскома. Пастыри вѣрятъ, что согласно пророчеству св. книгъ, явится отроча — камень, оторвавшійся отъ горы (прирва), и поразитъ діавола и его слугъ. Трудно, однако, утверждать, какъ это дѣласть Н. И. Петровъ, что далѣе должно было слѣдовать явленіе ангеловъ съ радостною вѣстью о рожденіи Христа: предположеніе это кажется намъ только вѣроятнымъ по сравненію съ польскими діалогами, аналогичнаго содержанія; но возможно, что въ нашей рукописи мы имѣемъ и нѣчто законченное.

1) Петровъ читаетъ: «А якъ же» (?), «Очерки» 132.

2) Онъ же: «Той», *ibid.*, 132.